

О ПРИНЦИПЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛЬНОСТИ И СВОЕВРЕМЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ, В ЧАСТНОСТИ, ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫХ ФИНАНСОВ И ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ЦИФРОВОГО ИМУЩЕСТВА

ON THE PRINCIPLE OF TECHNOLOGICAL NEUTRALITY AND TIMELINESS OF REGULATION OF DIGITAL INNOVATIONS, IN PARTICULAR, DECENTRALIZED FINANCIAL AND CYCLICAL PROPERTY TURNOVER

M. Iontsev

Summary. The article considers the relevance and need for legal regulation of digital currencies in the context of the rapid development of the modern technological landscape. The problems of digital currencies, such as PTS and ETF, are accompanied by the uncertainty of the legal regime and potential risks to financial stability and the protection of the rights of consumers of financial services. The author analyzes the principle of technological neutrality as the main benchmark for creating effective legal regulation that can adapt to new innovations without the need for frequent changes in legislation. Particular attention is paid to balancing between supporting innovative technologies and stabilizing the economic environment. The conclusions of the article emphasize the need for international cooperation, in particular within the framework of the G20 and BRICS, and the unification of approaches to the legal regulation of digital currencies, as well as the formation of recommendations for the introduction of the principle of technological neutrality in national legal systems.

Keywords: distributed ledger, technological neutrality, regulation of digital currencies, regulation of digital rights, Gartner curve.

Ионцев Михаил Анатольевич

кандидат физико-математических наук,
РАНХиГС, г. Москва;

руководитель направления Центра
правового сопровождения цифровизации
на финансовом рынке (на правах Управления)
Юридического департамента Банка России, г. Москва
Mikhail.iontsev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается актуальность и необходимость правового регулирования цифровых инноваций в условиях стремительного развития современного технологического ландшафта. Проблематика цифровых валют, таких как BTC и ETF, сопровождается неопределённостью правового режима и потенциальными рисками для финансовой стабильности и защиты прав потребителей финансовых услуг. Автор анализирует принцип технологической нейтральности как основной ориентир для создания эффективного правового регулирования, способного адаптироваться к новым инновациям без необходимости частого изменения законодательства. Особое внимание уделяется балансировке между поддержкой инновационных технологий и стабилизацией экономической среды. В выводах статьи подчеркивается необходимость международного сотрудничества, в частности в рамках G20 и БРИКС, и унификации подходов к правовому регулированию цифровых валют, а также формирование рекомендаций по внедрению принципа технологической нейтральности в национальные правовые системы.

Ключевые слова: распределённый реестр, технологическая нейтральность, регулирование цифровых валют, регулирование цифровых прав, кривая Гартнера.

Использование технологий в финансовом секторе — явление не новое [16], ведь финансовая сфера всегда была восприимчива к цифровым инновациям. В тоже время этот сектор строго регулируется в силу его экономической значимости и неотъемлемых рисков. Поэтому вопрос о своевременных и адекватных мерах регулирования цифровых инноваций и о способности участников сектора принимать во внимание новые изменения (учет перспектив) давно находится в центре внимания политиков и регулирующих органов (Регулирующий орган или регулятор — это организация,

занимающаяся разработкой и применением регуляторных требований в соответствии с правовой системой конкретной юрисдикции. Термины «надзорный орган» и «уполномоченный орган» употребляются как синонимы и означают орган или организацию, которые отвечают за выдачу разрешений, контроль за соблюдением требований и надзор за организациями, ведущими регулируемую деятельность. В зависимости от правовой системы некоторые надзорные органы могут также обладать определенными полномочиями по регулированию). Следует отметить, что слово «цифровой» возникло

не только в силу моды, но и отчасти из-за возникновения и распространения децентрализованных (пиринговых) информационных систем, децентрализации и демократизации доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», связанной с появлением смартфонов.

Как представляется, цель регулирования оборота цифрового имущества и децентрализованных финансов — обеспечение целостности финансового рынка за счет справедливого распределения ответственности и рисков между его участниками. Принципы регулирования могут позволить достигнуть этой цели в процессе возникновения новых цифровых технологий и избежать маятникового и непоследовательного регулирования.

К сожалению, приходится констатировать, что в практике Банка России наблюдаются признаки маятникового регулирования, например, оборота цифровых прав. Ярким примером является, во-первых, принятие Федерального закона № 221-ФЗ [1], в разработке которого принимал участие Банк России, которым предоставил возможность допуска иностранных цифровых прав для обращения в российских информационных системах в качестве цифровых финансовых активов. При этом в дальнейшем банком России было принято Указание № 7036-У[6], которое установило заградительные требования для всех ликвидных иностранных цифровых прав, таким образом, фактически запретив большинство иностранных цифровых прав. Следует отметить, что между принятием закона и указания не прошло даже одного года. Другим примером является пример мягкого регулирования, в частности, Информационное письмо Банка России от 29.02.2024 № ИН-018-34/17 «Об отдельных видах финансовых инструментов и цифровых финансовых активов», которое фактически запрещает использование любых объектов инвестирования, которые связаны с цифровыми валютами. Однако в марте 2025 года, то есть чуть более чем через год, Банк России публикует информацию о предложениях, направленных в Правительство Российской Федерации [30], часть из которых фактически полностью противоречит рекомендациям, изложенным в информационном письме. Таким образом, норма права то вводится, то через незначительный период времени отменяется. Вместе с тем названный подход к регламентации общественных отношений является недопустимым [26], поскольку нарушает вытекающий из Конституции Российской Федерации принцип доверия граждан к закону и действиям государства[7].

Причиной маятникового регулирования, как представляется, может быть отсутствие у регулятора полноценной стратегии и понимания развития гражданского оборота цифрового имущества. Именно потому рассмотрение проблематики регулирования децентрализованных финансов и гражданского оборота цифрового иму-

щества непосредственно связано с фундаментальным принципом, заложенным в основу регулирования цифровых инноваций, а именно принцип технологической нейтральности [12].

Этот принцип установлен пунктом 8 статьи 3 «Принципы правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации» Закона об информации [2]. Принцип технологической нейтральности проявляется в следующих аспектах (Указанный принцип использует термин информационные технологии, при этом согласно подпункту 2 статьи 2 Закона об информации информационными технологиями понимаются не цифровые инновации, а «процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов»). Таким образом, принцип технологической нейтральности сформулирован не технологически нейтрально).

Во-первых, регулирование цифровых инноваций должно исходить не из регулирования цифровой инновации, а общественных отношений, связанных с ее разработкой и применением. Так, при становлении регулирования следует стремиться к установлению норм-предписаний, а не норм-определений. При этом следует отметить, что современные законы содержат определения использованных терминов. Сами эти определения выступают часто в качестве декларативных правовых норм, которые бывают двух типов. Рассмотрим ниже виды терминов, которые используются в сфере регулирования оборота цифрового имущества. Во-первых, определения юридических терминов, данные в федеральных законах, могут иметь общее значение, применяемое для любых федеральных законов. Во-вторых, в федеральном законе может содержаться определение термина с оговоркой, например, «для целей настоящего Федерального закона» или «в настоящем Федеральном законе». Это второй тип определения, которое имеет значение применительно к предмету регулирования только данного рассматриваемого федерального закона. В других федеральных законах этот термин может иметь иное смысловое содержание, и, соответственно, иное определение для целей именно данного федерального закона, например, понятие иностранных цифровых прав, которое содержится в части 8.1 статьи 1 Закона о ЦФА). Установление норм-определений безусловно может в некоторых случаях служить пользе, например, явно и узко определить объект, правоотношения по поводу которого являются предметом регулирования. Однако узкое и явное определение в сфере цифровых инноваций может сыграть злую шутку в правоприменении.

Ярким примером такого определения является понятие цифровой валюты, установленное частью 3 статьи 1 Закона о ЦФА [5]. Данное определение обладает безус-

ловно высокой точностью, и хоть и избыточно, но достаточно ясно описывает так называемые «нативные токены», то есть цифровые валюты, у которых нет эмитента, которые возникают автоматически в информационной системе на основе распределённого реестра.

Вместе с тем частью 5 статьи 14 закона о ЦФА установлен запрет на использование резидентам Российской Федерации цифровой валюты в качестве встречного предоставления за товары, работы и услуги. Указанный запрет, хоть и обладает неэффективностью (что следует из докладов СФС, ФАТФ и БМР), но все же вводился с целью поддержания финансовой стабильности. Со временем на практике возник вопрос о возможности использования в качестве встречного предоставления так называемых «стейблкоинов», отличительной особенностью большинства которых является наличие эмитента, которые в дальнейшем были урегулированы как иностранные цифровые права. Согласно букве закона стейблкоины не являются цифровыми валютами и не попадают под указанный выше запрет, в связи чем цель установления запрета, фактически нивелирована из-за узкого определения.

Удачным примером технологически нейтрального регулирования является опосредованное установление понятий в нормах, прямо не называя такие инновации, а лишь подчеркивая их особые свойства. Например, в абзаце втором статьи 309 ГК РФ фактически раскрывается юридический признак смарт-контракта или самоисполняемых «сделок», однако, сам термин «смарт-контракт» в тексте закона не используется. Данный подход можно оценить, как вполне разумный, так как норма создается по итогу квалификации регулируемых отношений с точки зрения частного права и носит универсальный характер, то есть технически нейтральный, так как не связана с использованием конкретной технологии.

В то же время при обращении к тексту Пояснительной записки к проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» [31], в соответствии с которым статья 309 ГК РФ была дополнена указанным абзацем вторым, мы можем увидеть использование термина «смарт-контракт» для пояснения сути внесенных дополнений.

В целом следует отметить, что особенностью законодательства большинства юрисдикций о цифровом имуществе и децентрализованных финансах является низкое качество норм-определений, их избыточность и непродуманность, подчас скалывается впечатление, что законодатель занимается не нормотворчеством, а составлением словарей. Одним из самых ярких примеров создания словарей в федеральных законах является

Закон о НПС [3]. К сожалению, научное осмысление новых терминов на момент принятия федерального закона не всегда можно признать удачным по причине того, что изменяется и развивается сама цифровая инновация, появляются новые технические термины, право традиционно не успевает за анализом цифровой действительности. Кроме того, юристы, не будучи специалистами в сфере цифровых инноваций (что от них и не требуется), могут не понимать отдельные технические нюансы и не учитывать их при попытке дать научное определение того или иного термина.[11]

Одним из путей выхода из сложившейся ситуации видится не разработка определений, а организация обсуждений о необходимости и целесообразности установки определений и обсуждение предопределений — «дежурных» определений, содержание которых будет развиваться и совершенствоваться со временем, но не в законе, а в доктрине, толковании.

Другой аспект принципа технологической нейтральности следует из буквального толкования нормы, которая в настоящее время содержится в Законе об информации. Какова регуляторная цель принципа технологической нейтральности? Как следует из пункта 8 статьи 3 Закона об информации принцип технологической нейтральности означает «недопустимость установления нормативными правовыми актами каких-либо преимуществ применения одних информационных технологий перед другими, если только обязательность применения определенных информационных технологий для создания и эксплуатации государственных информационных систем не установлена федеральными законами». Другими словами, не разрешается нормативными актами устанавливать преимущество применения одних технологий перед другими [13]. Рассмотрим проявление указанного принципа на примере систем учета ценных бумаг.

В начале XX века были документарные ценные бумаги, предусматривающие учет имущественных прав в виде текста на листе бумаги, имеющей строгий набор обязательных реквизитов. Следует заметить, что документарная ценная бумага рассматривалась как вещь. Это относится и к акциям, и к облигациям начала XX века. Учет имущественных прав в форме документарной ценной бумаги — это первая технология учета ценных бумаг.

Позднее в XX веке появляется еще одна технология учета ценных бумаг — бездокументарная. Появился новый вид ценных бумаг — бездокументарные ценные бумаги, которые являются виртуальными и не имеют такого о вещественного материального представления как документарные ценные бумаги. Бездокументарные ценные бумаги учитываются на лицевых счетах (счетах депо) у уполномоченного лица — депозитария. Бездо-

кументарная ценная бумага может быть продана или заложена путем обращения владельца ценной бумаги к депозитарию с заявлением о совершении соответствующей сделки. Депозитарий вносит соответствующие записи в реестр учета бездокументарных ценных бумаг, которые он ведет, после чего сделка считается совершенной. Доказательством существования прав на бездокументарную ценную бумагу является запись о правах на ценную бумагу, совершенная депозитарием в реестре бездокументарных ценных бумаг. [10]

Таким образом, можно видеть две разные технологии учета прав на ценные бумаги:

- 1) учет прав на листах бумаги, в которых отражена имущественные права, закрепленные в ценной бумаге — для документарных ценных бумаг;
- 2) учет прав уполномоченным 3-м лицом — депозитарием в реестре правообладателей — для бездокументарных ценных бумаг.

На сегодняшний день в статье 142 ГК РФ предусматривается сосуществование двух равнозначных технологий учета прав на ценные бумаги, соответствующих двум разновидностям ценных бумаг: документарные ценные бумаги и бездокументарные ценные бумаги. Ни одна из двух указанных технологий учета ценных бумаг не обладает какими-либо преимуществами согласно российскому законодательству, то есть не ущемляет в правах обладателей ценных бумаг, которые отдали предпочтение одной системе перед другой. Указанное свидетельствует о соблюдении в рассматриваемом контексте принципа технологической нейтральности для данных двух технологий учета ценных бумаг.

В тоже время на практике брокер, которые совершает в интересах своего клиента сделки с различными ценными бумагами, может, например, устанавливать повышенный комиссионный тариф для операций с документарными ценными бумагами. Является ли в данном случае данное действие брокера нарушением принципа технологической нейтральности? Ответа на этот вопрос нет, поскольку возникает необходимость толкования содержания и применения принципа технологической нейтральности. Официального толкования данного принципа нет, а неофициальное толкование может отражать только представления определенного толкователя о предмете толкования и в итоге может быть отклонено официальными государственными органами.

Однако следует предположить, что взимание повышенной комиссии в данном случае очевидно связано с компенсацией большего количества расходов, которые связаны с документарными ценными бумагами.

Однако в отношении цифровых прав, которые являются цифровыми ценными бумагами [8], было со-

вершено изъятие из принципа технологической нейтральности [9], что имеет как свои преимущества, так и недостатки. В частности, регулятор увидел отдельный рынок ценных бумаг, который не содержит массы ограничений, связанных с регулированием оборота бездокументарных ценных бумаг. Таким образом, ряд необоснованных ограничений на рынке бездокументарных ценных бумаг могут быть сняты, ввиду своей неэффективности, но только по итогам сравнительного анализа двух цифрового и бездокументарного сегментов рынка ценных бумаг. Недостатком изъятия из принципа технологической нейтральности является, например, неясность природы цифровых прав, а также режима их обращения, а также решение задач регулирования цифровых прав так будто они никогда ранее не рассматривались, хотя все необходимые упражнения уже были проделаны при регулировании оборота бездокументарных ценных бумаг. Само по себе название цифровые права по мнению автора является не вполне удачным, так как не отражает удостоверяющую природу нового способа фиксации имущественных прав.

Из указанного аспекта принципа технологической нейтральности вытекает правило применения сложившихся практик регулирования рисков и ответственности на рынке ценных бумаг к схожим отношениям в сфере регулирования оборота цифрового имущества [14]. Так, регулирование классического финансового рынка запрещает совершение недобросовестных действий, оказывающие неблагоприятное влияние на финансовую стабильность. Рассмотрим ниже наиболее распространенные виды указанных недобросовестных действий.

Во-первых, незаконное раскрытие существенной непубличной информации — раскрытие или «передача» инсайдерской информации, за исключением случаев крайней необходимости при соблюдении соответствующих условий, которое позволяет лицам, раскрывающим такую информацию, извлекать из нее выгоду и дает определенным участникам рынка несправедливое преимущество перед другими.

Во-вторых, осуществление инсайдерская торговля — торговли, осуществляемой на основе «внутренней» или существенной непубличной информации, которая создает несправедливое преимущество из-за привилегированного положения инсайдеров за счет других лиц.

В-третьих, манипулирование рынком — поведение, которое приводит к распространению ложной или вводящей в заблуждение информации о предложении финансового актива, спросе на него или его цене, или иным образом влияет на торговлю активом посредством любой другой формы обмана или уловки.

В силу принципа технологической нейтральности оборот цифрового имущества и цифровой сегмент фи-

нансового рынка должны регулироваться способом, обеспечивающим предотвращение таких же видов недобросовестных действий и манипулирования рынком, которые существуют на классических финансовых рынках. Как и на классическом финансовом рынке, отсутствие контроля за существенной непубличной информацией, которая может повлиять на поведение рынка, а также отсутствие ограничений в отношении ненадлежащего использования такой информации может привести к манипулированию рынком или инсайдерской торговле.

Ситуация может усугубляться вследствие трансграничного характера оборота цифрового имущества, например, когда конкретный вид цифрового имущества допущен к торгам на нескольких торговых площадках в разных юрисдикциях, что повышает риск регуляторного арбитража.

Таким образом, разумно возлагать обязанность на лицо, оказывающее услуги, связанные с цифровым имуществом, внедрения систем, политик и процедур, применимых к управлению существенной непубличной информацией, а также ограничения ненадлежащего использования такой информации. Данные системы, политики, процедуры и ограничения могут включать:

- процесс идентификации и классификации лицом, оказывающим услуги, связанные с цифровым имуществом, существенной непубличной информации, которая может повлиять на поведение рынка (например, информация о заявках клиентов поставщиков услуг и планируемом допуске к торгам конкретного вида цифрового имущества);
- систему и механизмы контроля для ограничения доступа к существенной непубличной информации, которая может повлиять на поведение рынка, контролируемым списком лиц на основе принципа служебной необходимости (например, посредством использования этических или информационных барьеров);
- обязанность осуществлять периодический пересмотр списка лиц, имеющих доступ к существенной непубличной информации, которая может повлиять на поведение рынка;
- ограничения на предоставление и использование существенной непубличной информации, которая может повлиять на поведение рынка, лицами, оказывающими услуги, связанные с цифровым имуществом;
- процессы мониторинга потенциальных нарушений систем, политик и процедур лиц, оказывающих услуги, связанные с цифровым имуществом, применимыми к существенной непубличной информации, которая может повлиять на поведение рынка, включая процессы, облегчающие информирование о нарушениях, и сообщение о потенциальных нарушениях в регулирующие органы.

Третьим аспектом принципа технологической нейтральности является правило применения существующего регулирования к отношениям, которые хоть и изменили форму, но сохранили былое содержание. [18] Применение цифровых инноваций в финансовом секторе приводит к появлению продуктов, процессов и практических методов, которые порождают новые риски (связанные, например, с автоматизацией принятия решений, распределением ответственности и обязанностей). Помимо этих новых рисков, остаются и традиционные риски, присущие финансовому сектору (например, системный и операционные риски). Более того, в результате применения цифровых инноваций такие традиционные риски могут меняться (уменьшаться или увеличиваться) [22]. Для оценки новых или изменившихся рисков в условиях строгого регулирования требуется глубокое понимание технологий, используемых для предоставления инновационных продуктов и услуг. Зачастую не сразу можно понять, относится ли какой-либо продукт, процесс или услуга к регулируемому пространству. Если да, то не всегда ясно, как следует применять существующие требования, чтобы достигались цели регулирования и в то же время создавались условия для появления новых полезных продуктов, услуг и процессов. [16]

Развитие любых технологий, в том числе цифровых инноваций, имеет определенные закономерности. Так, обращаясь к кривой Гартнера, на которой демонстрируется динамика циклов общественного внимания к развитию цифровых инноваций, можно увидеть, что внимание общественности к развитию тех или иных инноваций проходит одинаковые циклы.

Кривая Гартнера размещается в системе двух координат. По оси ординат координат размещается шкала роста общественного интереса (ожидания) к определенной цифровой инновации, а по оси абсцисс откладывается время.

Сначала наблюдается стремительный рост общественного интереса к определенной цифровой инновации, который в определенный момент достигает своей максимальной точки (максимум положительных ожиданий). На данном цикле общественные ожидания от использования цифровой инновации завышены, а риски, связанные с указанной инновацией, недооценены [17]. Затем общественное внимание (ожидание) к цифровой технологии начинает снижаться и опускается до своей минимальной точки — (минимум положительных ожиданий), когда возможности использования недооценены, а риски наоборот — переоценены. Затем повторяется цикл роста общественного интереса к цифровой инновации, но в значительно более плавном виде. Это период восстановления общественного признания продуктивности определенной цифровой инновации.

Наконец, далее общественный интерес окончательно замедляет свой рост и выходит на плато принятия цифровой инновации. Именно с достижением этого цикла — плато, связывается баланс развития определенной цифровой технологии и адекватной оценки, как возможностей, так и рисков, связанных с использованием цифровой инновации. [19]

Какое значение имеет кривая Гартнера для правового регулирования децентрализованных финансов и оборота цифрового имущества? Правовое регулирование децентрализованных финансов необходимо осуществлять только по итогам накопления необходимой практики как среди участников гражданского оборота, так и практики рассмотрения споров, связанных с оборотом цифрового имущества и децентрализованными финансами. На кривой Гартнера этот период обозначен как плато продуктивности [20]. Пока децентрализованные финансы находятся в цикле роста общественных ожиданий внедрение любого регулирования сопряжено с рисками установления регулирования, которое будет либо учитывать несущественные риски, либо упускать значимые, ввиду чего на уровне регулирования будут отменяться императивные нормы, устанавливающие адекватные ограничения и условия, связанные с использованием цифровой инновации, либо устанавливаться необоснованные запреты и ограничения. [29]

Ярким примером неадекватной оценки рисков и установления неразумных запретов является регулирование, принятое в Европейском Союзе, а именно Регламент MiCA [32], принятый в момент пониженного общественного интереса (восприятия) к децентрализованным финансам и обороту цифрового имущества и, как следствие, переоценивший угрозы и риски, связанные с применением цифрового имущества в качестве средства платежа [23]. В результате бизнес-структуры стали менять свою привязку и уходить из юрисдикции Европейского Союза, поскольку столкнулись с рисками возможных юридических ограничений для развития технологического бизнеса. Общественную реакцию указанное правовое регулирование можно оценить как резко отрицательную.

Таким образом, при переоценке рисков цифровой инновации законодатель принимает запретительные и ограничительные нормы, поскольку переоценивает связанные с ней риски и недооценивает преимущества данной цифровой технологии. [25] При этом при переоценке возможностей и недооценке рисков снимаются ограничения и необходимые запреты, которые приводят к реализации рисков, и как следствие, утрате доверия к цифровой инновации. Оба варианта видятся крайними и несущими отрицательные последствия для правового регулирования цифровой инновации [24].

Содержание принципа технологической нейтральности, вкладываемый международной практикой [28] сводится к тому, что цифровая инновация должна регулироваться при наличии достаточной для этого устоявшейся практики ее использования. При этом объектом правового регулирования являются общественные отношения, связанные с разработкой и применением цифровой инновации. Любой запрет использования цифровой инновации на начальном этапе, в отсутствие практики, будет означать нарушение принципа технологической нейтральности, поскольку речь идет о свободе выбора для разработки и использования определенной цифровой технологии. [27]

Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации Федеральный принят Закон об ЭПР [4], положения которого, устанавливают механизм регулирования экспериментальных правовых режимов, связанных с применением цифровых инноваций. Положения данного закона создают необходимые условия для регулирования гражданского оборота цифрового имущества и децентрализованных финансов, а также позволяют сформировать правоприменительную практику и выявить риски, связанные с использованием указанных технологий, которые могут потребовать дополнительного урегулирования.

Дополнительно следует отметить, что в рамках исполнения задачи 5 подраздела 3.3 Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации [33] в целях устранения правовых барьеров для внедрения цифровых инноваций на финансовом рынке Банк России осуществляет деятельность по обеспечению функционирования регулятивной песочницы, в рамках которой рассматриваются инициативы физических и юридических лиц по созданию благоприятных нормативно-правовых условий для разработки, внедрения и использования различных технологий.

Представляется, что Закон об ЭПР может позволить корректно апробировать снятие и установление ограничений, связанных с оборотом цифрового имущества, при этом не нанося урона сфере децентрализованных финансов, и не создавая маятникового регулирования. Другим аспектом принципа технологической нейтральности является минимизация законодательных изменений и разработка таких положений о регулировании цифровых инноваций, которые позволяли бы регулировать только особенности, присущие именно такой инновации. Принцип технологической нейтральности характерен не только для российского права, он присутствует и в правовых порядках других стран. Надо заметить, что значение данного принципа возрастает в последнее время с развитием современных цифровых инноваций. [15]

Например, еще в 2001 г. в отчете Ламфалусси был сделан вывод о том, что регуляторная система Европей-

ского Союза на тот момент была «слишком медленной» и «недостаточно гибкой, чтобы своевременно реагировать на изменения рыночных условий» [21]. В соответствии с рекомендациями указанного отчета со временем система регулирования финансовых услуг Европейского Союза была реформирована — в частности, была повышена гибкость и ускорена адаптация к изменениям [25].

Однако следует учесть, что в последнее время наблюдается существенный прогресс в сфере новых технологий и небывалое ускорение цифровой трансформации. В кратчайшие сроки кардинально изменились доступные технологии, потенциал их дальнейшего развития и возможности их применения для разработки новых продуктов, процессов и бизнес-моделей [16]. При этом инновации в сфере оборота цифрового имущества и децентрализованных финансов привели к дальнейшему усложнению финансовой системы и породили новые проблемы.

В этой сложной среде приоритетом для регуляторов становится разработка новых методов выявления, мониторинга и реагирования на изменения динамики финансовой системы. К таким методам, например, относится дальнейшая автоматизация принятия решений и перераспределение рыночной власти. Правительства разных стран реагируют на развитие оборота цифрового имущества и децентрализованных финансов различными способами — от запрета определенных видов деятель-

ности или продуктов в этой сфере до разъяснений, как существующая регуляторная среда будет применяться к обороту цифрового имущества и децентрализованным финансам, без изменения существующей нормативно-правовой базы [20].

Принцип технологической нейтральности приобретает особое значение в условиях стремительного развития децентрализованных финансов и цифровых инноваций на финансовом рынке. Этот принцип позволяет законодателю и регулятору формулировать нормы, которые сохраняют свою актуальность независимо от появления новых технологических решений. Благодаря технологической нейтральности создаётся гибкая правовая среда, способствующая инновациям и конкурентоспособности, но одновременно поддерживающая прозрачность, справедливость и защиту прав участников рынка. Отказ от излишне детализированных технических требований позволяет правилам регулирования оставаться универсальными и адаптируемыми, что особенно важно в сфере, где технологии и бизнес-модели быстро эволюционируют. В конечном счёте, реализация принципа технологической нейтральности становится неотъемлемым условием эффективного правового регулирования децентрализованных финансовых инструментов, обеспечивая баланс между современными вызовами и необходимостью сохранения стабильности финансовой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
3. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе».
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
6. Указание Банка России от 26.05.2025 № 7036-У «О дополнительных требованиях к иностранным цифровым правам, которые могут быть квалифицированы в качестве цифровых прав».
7. Письмо Минфина России от 04.08.2023 N 03-07-11/73705
8. Абрамова Е.Н. Цифровой финансовый актив как цифровая ценная бумага // Гражданское право. 2024. N 1. С. 10–13.
9. Новоселова Л.А., Габов А.В., Генкин А.А., Сарбаш С.В., Асосков А.В., Янковский Р.М., Журавлев А.С. [и др.] Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. N 5. С. 31–54.
10. Ahern, D.M., Regulators Nurturing FinTech Innovation: Global Evolution of the Regulatory Sandbox as Opportunity Based Regulation, March 2020. European Banking Institute Working Paper Series — No. 60.
11. Allen, H.J., Regulatory Sandboxes, June 2019, George Washington Law Review Vol. 87, pp. 579–645.
12. Artinger, F., S. Artinger and G. Gigerenzer (2019), «C.Y.A.: Frequency and causes of defensive decisions in public administration», Business Research, Vol. 12/1, pp. 9–25, <https://doi.org/10.1007/s40685-018-0074-2>
13. Ashby, M. (2020), «Ethical regulators and super-ethical systems», Systems, Vol. 8/4, pp. 1–35, <https://doi.org/10.3390/systems8040053>
14. Ayres, I. and J. Braithwaite (2016), «Responsive regulation: Transcending the deregulation debate», in Lodge, M., E. Page and S. Balla (eds.), The Oxford Handbook of Classics in Public Policy and Administration, Oxford University Press, <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199646135.013.40>.
15. Bromberg, L., Godwin, A., Ramsay, I., Fintech Sandboxes: Achieving a Balance Between Regulation and Innovation, December 2017, Journal of Banking and Finance Law and Practice Vol.28, No. 4, 2017, pp. 314–336
16. Brummer, Ch., Yadav, Y., Fintech and the Innovation Trilemma, October 2017, 107 Georgetown Law Journal 235, 2019, Vanderbilt Law Research Paper No. 17–46, Georgetown Law and Economics Research Paper No. 11–23

17. Buckley, R., Arner, D., Veidt, R., Zetzsche, D., Building FinTech Ecosystems: Regulatory Sandboxes, Innovation Hubs and Beyond, November 2019. University of Luxembourg Law Working Paper No. 2019-010, European Banking Institute Working Paper Series 2019 No. 53, UNSW Law Research Paper No. 19-72, University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper No. 2019/100, Washington University Journal of Law and Policy, Vol. 61, 2020.
18. D'Alberti, M. (1989), «Le sorti del lavoro pubblico», in Angeli, F. (ed.), Ripensare il sindacato.
19. de Koker, L., Morris, N., Jaffer, S., Regulating Financial Services in an Era of Technological Disruption, Law in Context, February 2020, Vol. 36, No 2, pp. 90–112.
20. Ehrentraud, J., Garcia Ocampo, D., Garzoni, L., Piccolo, M., Bank for International Settlements, Financial Stability Institute, Policy responses to FinTech: a cross-country overview, FSI Insights on policy implementation No. 23, January 2020
21. Final Report of the Committee of Wise Men on the Regulation of the European Securities Markets, February 2001, Brussels.
22. Hodges, C. (2022), Outcome-Based Cooperation: In Communities, Business, Regulation, and Dispute Resolution, Hart Publishing, <https://www.bloomsbury.com/uk/outcomebased-cooperation-9781509962525>.
23. Jenik, I., Lauer, K., Regulatory Sandboxes and Financial Inclusion, CGAP Working Paper, October 2017.
24. Kahneman, D., O. Sibony and C. Sunstein (2021), Noise: a flaw in human judgment, Little, Brown Spark.
25. Lim, B., Low, Ch., Regulaory Sandboxes, in: Madir, J. (ed.), Fintech: Law and Regulation, September 2019, Elgar Financial Law and Practice series.
26. OECD (2024), OECD Survey on Drivers of Trust in Public Institutions — 2024 Results: Building Trust in a Complex Policy Environment, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/9a20554b-en>.
27. Omarova, S.T., Technology v. Technocracy: FinTech as a Regulatory Challenge, March 2020, Journal of Financial Regulation, Vol. 6/1, pp. 75–124.
28. Witz, D., Sandbox Games for RegTech, in: Barberis, J., Douglas A., Buckley, R. (eds.), The REGTECH Book: The Financial Technology Handbook for Investors, Entrepreneurs and Visionaries in Regulation, John Wiley & Sons, Incorporated, 2019.
29. Zetzsche, D., Buckley, R., Arner, D. and Barberis, J., Regulating a Revolution: From Regulatory Sandboxes to Smart Regulation, August 2017, Fordham Journal of Corporate and Financial Law, Vol. 23, pp. 31–103.
30. <http://www.cbr.ru/press/event/?id=23448> (дата обращения — 20.05.2025 года).
31. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7>
32. <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=225>
33. http://www.cbr.ru/content/document/file/165924/onrfr_2025_2027.pdf.

© Ионцев Михаил Анатольевич (Mikhail.iontsev@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»